

239. Иммунитеты и уголовно-процессуальные действия (Экваториальная Гвинея против Франции)

Краткое изложение решения от 11 декабря 2020 года

11 декабря 2020 года Международный суд вынес решение по делу «Имму-нитеты и уголовно-процессуальные действия (Экваториальная Гвинея против Франции)».

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себу-тинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья ad hoc Катэка; Секретарь Готье.

*

* *

История судопроизводства (пункты 1–24)

В начале Суд напоминает, что 13 июня 2016 года Экваториальная Гвинея подала заявление о возбуждении дела против Франции в связи со спором «по по-воду

иммунитета второго Вице-президента Республики Экваториаль-ная Гвинея, ответственного за оборону и государственную без-опасность, [г-на Теодоро Нгемы Обианга Манге] от уголовной юрисдикции и по поводу правового статуса здания, в котором размещается посольство Экваториальной Гвинеи во Франции, представляющего собой помещения дипломатического предста-вительства и одновременно являющегося собственностью госу-дарства».

В своем заявлении Экваториальная Гвинея пыталась установить юрисдик-цию Суда, во-первых, на основании статьи 35 Конвенции Организации Объеди-ненных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года (далее «Палермская конвенция») и, во-вторых, на основании статьи I Факультативного протокола к Венской конвенции об обязательном раз-решении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 ап-реля 1961 года.

После подачи 29 сентября 2016 года Экваториальной Гвинеей просьбы об указании временных мер Суд в постановлении от 7 декабря 2016 года поручил Франции «впредь до вынесения окончательного распоряжения по данному делу» следующее:

«принять все доступные ей меры к обеспечению того, чтобы помещения, обозначенные в качестве занимаемых диплома-тическим представительством Экваториальной Гвинеи по ад-ресу «авеню Фош, 42» в Париже, пользовались обращением,

эквивалентным тому, которое требуется статьей 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях¹, в целях обеспечения их неприкосновенности».

31 марта 2017 года Франция выдвинула предварительные возражения против юрисдикции Суда и приемлемости заявления. В своем решении от 6 июня 2018 года Суд поддержал первое предварительное возражение о том, что Суд не обладает юрисдикцией на основании статьи 35 Палермской конвенции. Вместе с тем он отклонил второе и третье предварительные возражения и заявил, что он обладает юрисдикцией на основании Факультативного протокола об обязательном разрешении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях для рассмотрения заявления, поданного Экваториальной Гвинеей, в той его части, которая касается статуса здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, в качестве помещений представительства, и что эта часть заявления является приемлемой.

I. Обстоятельства дела (пункты 25–38)

Суд поясняет, что 2 декабря 2008 года ассоциация «Трансперенси интернешнл Франс» подала жалобу в прокуратуру Парижа на некоторых глав государств Африки и членов их семей в связи с обвинениями в незаконном присвоении государственных средств в стране их происхождения, доходы от которых якобы были инвестированы во Франции. Эта жалоба была признана французскими судами приемлемой, и в 2010 году было начато судебное расследование. В частности, в ходе расследования основное внимание уделялось методам, использованным для финансирования приобретения движимого и недвижимого имущества во Франции г-ном Теодоро Нгемой Обиангом Манге, сыном президента Экваториальной Гвинеи, который в то время был государственным министром сельского и лесного хозяйства Экваториальной Гвинеи, а 21 мая 2012 года стал вторым Вице-президентом Экваториальной Гвинеи, отвечающим за оборону и государственную безопасность.

В частности, расследование касалось того, каким образом г-н Теодоро Нгема Обианг Манге приобрел различные предметы, представляющие значительную ценность, и здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже. 28 сентября и 3 октября 2011 года следователи провели обыски по этому адресу и изъяли автомобили класса люкс, принадлежавшие г-ну Теодоро Нгеме Обиангу Манге. 4 октября 2011 года Экваториальная Гвинея направила Франции вербальную ноту, заявив, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, которое она использовала для выполнения функций своего дипломатического представительства, находилось в ее распоряжении в течение ряда лет.

¹ В статье 22 говорится следующее:

«1. Помещения представительства неприкосновенны. Власти государства пребывания не могут вступать в эти помещения иначе, как с согласия главы представительства.

2. На государстве пребывания лежит специальная обязанность принимать все надлежащие меры для защиты помещений представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства.

3. Помещения представительства, предметы их обстановки и другое находящееся в них имущество, а также средства передвижения представительства, пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий».

В вербальной ноте от 11 октября 2011 года Франция ответила, что данное здание не является частью помещений дипломатической миссии Экваториальной Гвинеи, что оно относится к частной собственности, и, соответственно, на него распространяется обычное право. В вербальной ноте от 17 октября 2011 года Экваториальная Гвинея сообщила Франции, что в помещениях дипломатического представительства, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, находится официальная резиденция ее постоянного представителя при ЮНЕСКО. В вербальной ноте, направленной Экваториальной Гвинее 31 октября 2011 года, Франция вновь заявила, что данное здание не является частью помещений представительства, никогда не признавалось таковым, и, соответственно, на него распространяется обычное право.

В период с 14 по 23 февраля 2012 года в здании, расположенном по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, были проведены дополнительные обыски, в ходе которых были изъяты и вывезены дополнительные предметы. В вербальных нотах от 14 и 15 февраля 2012 года, в которых это здание было представлено как официальная резиденция постоянного представителя Экваториальной Гвинеи при ЮНЕСКО и утверждалось, что обыски ведутся в нарушение Венской конвенции, Экваториальная Гвинея сослалась на защиту, предусмотренную в упомянутой конвенции в отношении такой резиденции.

19 июля 2012 года, установив, в частности, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, полностью или частично оплачивалось из доходов, получаемых в связи с предполагаемыми преступлениями, по которым ведется расследование, и что его реальным владельцем является г-н Теодоро Нгема Обианг Манге, один из следственных судей Парижского суда большой инстанции вынес постановление о «наложении на здание ареста» (*saisie réelle immobilière*). 13 июня 2013 года это решение было поддержано следственной палатой Парижского апелляционного суда, в которую г-н Теодоро Нгема Обианг Манге подал апелляцию.

В вербальной ноте от 27 июля 2012 года Экваториальная Гвинея проинформировала Францию о том, что с этой даты помещения посольства располагались по адресу «авеню Фош, 42» в Париже. В вербальной ноте от 6 августа 2012 года Франция обратила внимание Экваториальной Гвинеи на то, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом на данное здание с 19 июля 2012 года наложен арест и что поэтому с 27 июля 2012 года она не может официально признавать это здание местом нахождения канцелярии дипломатического представительства.

23 мая 2016 года финансовый прокурор подала заключительные материалы (*réquisitoire définitif*), требуя, в частности, чтобы г-на Теодоро Нгему Обианга Манге судили за преступления, связанные с отмыванием денег. 5 сентября 2016 года следственные судьи Парижского суда большой инстанции постановили передать дело г-на Теодоро Нгемы Обианга Манге, который указом президента от 21 июня 2016 года был назначен Вице-президентом Экваториальной Гвинеи, отвечающим за национальную оборону и государственную безопасность, для судебного разбирательства в Парижском уголовном суде за предполагаемые преступления, совершенные во Франции в период с 1997 по октябрь 2011 года.

Уголовный суд вынес свое решение 27 октября 2017 года, признав г-на Теодоро Нгему Обианга Манге виновным в преступлениях, связанных с отмыванием денег. Трибунал постановил, в частности, конфисковать все движимое имущество, изъятое в ходе судебного расследования, а также пристроенное здание по адресу «авеню Фош, 42» в Париже. Что касается конфискации этого здания, то суд, ссылаясь на постановление суда от 7 декабря 2016 года, в котором были указаны временные меры, заявил, что «... хотя разбирательства [находящиеся на рассмотрении Международного суда] делают невозможным принятие любой из мер конфискации французским государством, вынесение такого наказания не подпадает под эти ограничения». После вынесения приговора г-н Теодоро Нгема Обианг Манге подал в Парижский апелляционный суд апелляцию на вынесенный ему обвинительный приговор. Поскольку эта апелляция сопровождалась приостановкой исполнения обжалуемого решения, никаких шагов по приведению в исполнение приговоров, вынесенных г-ну Теодоро Нгеме Обиангу Манге, предпринято не было. Парижский апелляционный суд вынес свое решение 10 февраля 2020 года. Он поддержал, в частности, решение о конфискации «имущества, расположенного в муниципалитете Парижа, 16-й округ, авеню Фош, 40-42, в соответствии с постановлением от 19 июля 2012 года». Г-н Теодоро Нгема Обианг Манге подал на это решение кассационную жалобу (*pourvoi en cassation*). Поскольку эта апелляция сопровождалась приостановкой исполнения обжалуемого решения, никаких шагов по приведению в исполнение приговоров, вынесенных г-ну Теодоро Нгеме Обиангу Манге, предпринято не было.

II. Обстоятельства, при которых имущество приобретает статус «помещений представительства» согласно Венской конвенции (пункты 39–75)

Суд отмечает, что стороны расходятся во мнениях относительно того, является ли здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, частью помещений дипломатической миссии Экваториальной Гвинеи во Франции и, следовательно, имеет ли оно право на обращение, предусмотренное в отношении таких помещений в соответствии со статьей 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях (далее «Венская конвенция»). Стороны также не согласны в том, нарушает ли Франция действиями своих властей в отношении этого здания свои обязательства по статье 22.

Суд начинает с рассмотрения обстоятельств, при которых имущество приобретает статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции. В этой статье говорится, что «помещения представительства» означают «здания или части зданий, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них, включая обслуживающий данное здание или часть здания земельный участок». Для этого Суд обращается к Венской конвенции, заявляя, что будет толковать ее в соответствии с общими правилами толкования договоров, которые отражены в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров.

Суд считает, что положения Венской конвенции в их обычном значении мало помогают в определении обстоятельств, при которых имущество приобретает статус «помещений представительства». Хотя в статье 1 i) Конвенции «помещения представительства» описываются как здания, «используемые для целей

представительства», само по себе это положение не помогает определить, каким образом здание может использоваться для целей дипломатического представительства, существуют ли какие-либо предпосылки для такого использования и как такое использование, если оно имеет место, должно устанавливаться. Более того, в Конвенции ничего не говорится о соответствующей роли направляющего и принимающего государств в назначении помещений представительства. В статье 22 Венской конвенции не содержится никаких дополнительных указаний на этот счет. В этой связи Суд обращается к контексту этих положений, а также к предмету и цели Венской конвенции.

Что касается контекста, то в статье 2 Венской конвенции предусматривается, что «установление дипломатических отношений между государствами и учреждение постоянных дипломатических представительств осуществляются по взаимному согласию». По мнению Суда, такое положение не просто увязать с толкованием Конвенции, согласно которому здание может приобрести статус помещений представительства на основании одностороннего обозначения со стороны направляющего государства, несмотря на прямое возражение принимающего государства.

Более того, положения Конвенции, касающиеся назначения и иммунитетов дипломатического персонала и сотрудников представительства, свидетельствуют о равновесии, который Стороны Конвенция пытаются установить между интересами направляющего и принимающего государств. В статье 4 предусматривается, что выбор главы представительства направляющим государством должно быть одобрено принимающим государством. В ней далее предусматривается, что принимающее государство не обязано сообщать мотивы любого из своих отказов. С другой стороны, в соответствии со статьей 7, для назначения членов персонала представительства предварительное одобрение принимающего государства обычно не требуется. В соответствии со статьей 39, лица, на которых распространяются привилегии и иммунитеты, пользуются ими с момента прибытия на территорию принимающего государства, а если они уже находятся на территории такого государства, то с момента уведомления принимающего государства об их назначении. Вместе с тем, согласно статье 9, этот широкий круг иммунитетов компенсируется правом принимающего государства объявлять членов дипломатического представительства *personae non gratae*. В Венской конвенции, напротив, похожего механизма для помещений представительств не предусмотрено. Если бы направляющее государство могло в одностороннем порядке назначить помещения своего представительства, несмотря на возражения принимающего государства, последнее фактически оказалось бы перед выбором: либо предоставить соответствующему объекту защиту против своей воли, либо пойти на радикальный шаг и разорвать дипломатические отношения с направляющим государством. Даже в рамках второго сценария, согласно статье 45 Венской конвенции, от принимающего государства требуется продолжать уважать и охранять помещения представительства вместе с его имуществом и архивами, в связи с чем последствия сделанного направляющим государством в одностороннем порядке выбора сохраняются и далее. По мнению Суда, при таком сценарии принимающее государство оказалось бы в положении нарушенного равновесия, что нанесло бы ему ущерб, и принимало бы меры, выходящие за рамки того, что требуется для достижения закрепленной в Венской конвенции цели обеспечения эффективного осуществления функций дипломатических представительств.

Что касается предмета и цели Венской конвенции, то в преамбуле указывается, что ее цель заключается в том, чтобы «способствовать развитию дружественных отношений между государствами» Это достигается путем предоставления направляющим государствам и их представителям значительных привилегий и иммунитетов. В преамбуле указывается на то, что «такие привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгод отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления функций дипломатических представительств как органов, представляющих государства». Таким образом, в ней отражен тот факт, что дипломатические привилегии и иммунитеты налагают на принимающие государства серьезные обязательства, которые, однако, имеют смысл в связи с целью укрепления дружественных отношений между государствами.

В свете вышеизложенного Суд считает, что Венскую конвенцию нельзя толковать таким образом, согласно которому направляющему государству будет позволено в одностороннем порядке навязывать принимающему государству свой выбор помещений представительства, если последнее возражает против этого выбора. В таком случае принимающее государство против своей воли будет вынуждено взять на себя «специальную обязанность», упомянутую в пункте 2 статьи 22 Конвенции, по защите выбранных помещений. Таким образом, одностороннее навязывание выбора помещений направляющим государством явно не соответствовало бы цели развития дружественных отношений между государствами. Более того, из-за этого принимающее государство оказалось бы уязвимым для потенциального злоупотребления дипломатическими привилегиями и иммунитетами, чего составители Венской конвенции намеревались избежать, указав в преамбуле, что «такие привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгод отдельных лиц». Практика нескольких государств, согласно которой, прежде чем какое-либо здание может приобрести статус «помещения представительства», от принимающего государства требуется недвусмысленное одобрение, а также отсутствие каких-либо возражений против такой практики являются факторами, свидетельствующими о непризнании за направляющим государством, в соответствии с Венской конвенцией, права в одностороннем порядке назначать помещения своего дипломатического представительства.

Суд считает, что, если принимающее государство возражает против выбора помещения направляющим государством, то из этого следует, что оно может выбрать способ высказывания такого возражения. Иное утверждение означало бы наложение ограничения на суверенитет принимающих государств, что не имеет оснований ни в Венской конвенции, ни в общем международном праве. Некоторые принимающие государства могут по линии законодательства или официальных руководящих принципов заранее определить условия, в соответствии с которыми может быть предоставлено их одобрение, в то время как другие могут предпочесть реагировать в каждом конкретном случае по-разному. Такой выбор сам по себе не влияет на право принимающего государства возражать.

Суд подчеркивает, однако, что полномочия принимающего государства возражать против назначения направляющим государством помещений своего дипломатического представительства подлежат ограничениям. В свете вышеупомянутых требований, а также предмета и цели Венской конвенции, заключающихся в содействии развитию дружественных отношений между государствами, Суд считает, что возражение принимающего государства должно высказываться своевременно и не должно быть произвольным. Кроме того, в соответствии со статьей 47 Венской конвенции, такое возражение не должно носить

дискриминационный характер. В любом случае принимающее государство сохраняет с соответствии со статьей 21 Венской конвенции обязанность либо оказать содействие аккредитуемому государству в приобретении на своей территории, согласно своим законам, помещений, необходимых для его дипломатического представительства, либо оказать помощь аккредитуемому государству в получении помещений каким-либо иным путем.

Учитывая вышеизложенные соображения, Суд приходит к выводу, что, если принимающее государство возражает против назначения направляющим государством определенного имущества как части помещений его дипломатического представительства и если это возражение своевременно доведено до сведения и не носит ни произвольного, ни дискриминационного характера, то такое имущество не приобретает статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции и, соответственно, не пользуется защитой по статье 22 Конвенции. Вопрос о том, были ли соблюдены вышеупомянутые критерии, должен решаться с учетом обстоятельств каждого конкретного случая.

С учетом этих выводов Суд переходит к рассмотрению вопроса о том, возражала ли Франция по фактам, находящимся на рассмотрении Суда, против назначения здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, как помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи, и было ли такое возражение своевременно доведено до сведения и не носило ли оно произвольного или дискриминационного характера.

III. Статус здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже
(пп. 76–118)

1. Возражала ли Франция в ходе дипломатических обменов между сторонами в период с 4 октября 2011 года по 6 августа 2012 года
(пп. 76–89)

Суд начинает с изучения дипломатических обменов сторон в период между 4 октября 2011 года, когда Экваториальная Гвинея впервые уведомила Францию о том, что имущество «является частью помещений дипломатического представительства», и 6 августа 2012 года, вскоре после «наложения на здание ареста» (*saisie réelle immobilière*) 19 июля 2012 года.

Суд напоминает, что первоначальные обыски на объекте французскими следственными органами были проведены 28 сентября 2011 года и 3 октября 2011 года, и в ходе них были изъяты автомобили класса люкс, принадлежащие г-ну Теодоро Нгеме Обиангу Манге. 4 октября 2011 года Экваториальная Гвинея направила Франции вербальную ноту, заявив, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, которое она использовала для «выполнения функций своего дипломатического представительства», находилось в ее распоряжении в течение ряда лет. В тот же день на здании были прикреплены бумажные таблички с надписью «République de Guinée équatoriale — locaux de l'ambassade» («Республика Экваториальная Гвинея — помещения посольства»). 11 октября 2011 года Франция направила Экваториальной Гвинее вербальную ноту, в которой говорилось, что «... здание [о котором идет речь] не является частью помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. Оно относится к частной собственности, и, соответственно, на него распространяется обычное право».

17 октября 2011 года Экваториальная Гвинея направила Франции вербальную ноту, в которой сообщила, что ее дипломатическое представительство возглавит (в качестве временного поверенного в делах) ее постоянный представитель при ЮНЕСКО. В этой ноте говорилось, что «официальная резиденция» последнего находилась «в помещениях дипломатического представительства [Экваториальной Гвинеи], расположенного по адресу «авеню Фош, 40-42» [в Париже]. В вербальной ноте, направленной Экваториальной Гвинее 31 октября 2011 года, Франция вновь заявила, что данное здание «не является частью помещений представительства, никогда не признавалось таковым, и, соответственно, на него распространяется обычное право».

В период с 14 по 23 февраля 2012 года французские власти провели дополнительные обыски в здании по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, в ходе которых были изъяты и вывезены различные предметы. В этот период, представляя здание как резиденцию своего поверенного в делах и постоянного представителя при ЮНЕСКО и утверждая, что обыски и конфискация проводились в нарушение Венской конвенции, Экваториальная Гвинея ссылалась на защиту, предоставляемую такой резиденции в соответствии с данной конвенцией. Франция, в свою очередь, вновь заявила, что не признает это здание официальной резиденцией данного представителя. 9 и 12 марта 2012 года Экваториальная Гвинея направила Франции две вербальные ноты, в которых вновь заявила, что здание является частью помещений ее дипломатического представительства во Франции. В своем ответе от 28 марта 2012 года Франция, со своей стороны, вновь заявила, что здание «не может считаться частью помещений дипломатического представительства, поскольку оно не было признано таковым французскими властями, с учетом того, что оно не было выделено для целей представительства или в качестве резиденции главы представительства в соответствии с пунктом i) статьи 1 Венской конвенции».

В вербальных нотах от 25 апреля и 2 мая 2012 года Экваториальная Гвинея и Франция подтвердили свои позиции.

19 июля 2012 года следственный судья Парижского суда большой инстанции вынес постановление о «наложении на здание ареста» (*saisie réelle immobilière*). 27 июля и 2 августа 2012 года Экваториальная Гвинея направила Франции две вербальные ноты, информируя ее о том, что с этой даты помещения ее посольства находятся по адресу «авеню Фош, 42» в Париже и расположены в здании, которое она отныне использует для выполнения функций своего дипломатического представительства. В вербальной ноте от 6 августа 2012 года Франция ответила, что, поскольку данное здание было предметом постановления о наложении ареста (*ordonnance de saisie réelle immobilière*) от 19 июля 2012 года, она не может, начиная с 27 июля 2012 года, официально признать его местом нахождения канцелярии, и что последняя, таким образом, по-прежнему располагается по адресу «бульвар де-Курсель, 29» в Париже — единственному признанному за ней адресу.

Суд считает, что изложенные факты свидетельствуют о том, что в период с 11 октября 2011 года по 6 августа 2012 года Франция последовательно высказывала свое возражение против назначения здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, в качестве части помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи.

2. *Было ли возражение Франции своевременным* (пп. 90–92)

Затем Суд переходит к рассмотрению вопроса о том, было ли возражение Франции подано своевременно. 11 октября 2011 года Франция уведомила Экваториальную Гвинею в четких и недвусмысленных выражениях, что она не принимает такое назначение. Франция своевременно сообщила о своем возражении, ровно через неделю после того, как Экваториальная Гвинея впервые заявила в своей вербальной ноте от 4 октября 2011 года о статусе здания как помещения своего дипломатического представительства. В своей вербальной ноте от 17 октября 2011 года Экваториальная Гвинея вновь заявила, что данное здание является частью помещений ее дипломатического представительства, а также что в нем находится резиденция постоянного представителя Экваториальной Гвинеи при ЮНЕСКО, который, как она указала, отныне будет также выполнять функции временного поверенного в делах ее дипломатического представительства во Франции. В своей вербальной ноте от 31 октября 2011 года Франция вновь высказала возражение против назначения этого здания Экваториальной Гвинеей частью помещений ее дипломатического представительства во Франции.

Когда 14 февраля 2012 года в здании, расположенному по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, начались новые обыски, Экваториальная Гвинея направила во Францию ряд дипломатических сообщений с жалобами на действия французских властей. В своих ответах Франция вновь отказалась признавать статус здания и указала на процедуру, которой необходимо следовать для того, чтобы объект приобрел статус помещений дипломатического представительства. 9 и 12 марта 2012 года Экваториальная Гвинея направила Франции две вербальные ноты, в которых вновь заявила, что здание является частью помещений ее дипломатического представительства во Франции. 28 марта 2012 года Франция вновь четко отклонила это требование. 25 апреля 2012 года Экваториальная Гвинея повторила свое требование; 2 мая 2012 года Франция вновь заявила о своем возражении. После «наложения на здание ареста» (*saisie pénale immobilière*) 19 июля 2012 года Экваториальная Гвинея направила Франции еще две вербальные ноты от 27 июля 2012 года и 2 августа 2012 года, в которых настаивала на статусе здания как помещений своего дипломатического представительства; Франция ответила 6 августа 2012 года, вновь недвусмысленно отказавшись признать это здание частью помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи.

Проанализировав полученную информацию в целом, Суд отмечает, что после получения уведомления от 4 октября 2011 года Франция своевременно сообщила о своем возражении против назначения здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, в качестве помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. Затем Франция последовательно возражала против каждого утверждения Экваториальной Гвинеи о том, что здание представляет собой помещения дипломатического представительства, и продолжала возражать против назначения этого здания в качестве помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела Франция своевременно возразила против назначения Экваториальной Гвинеей этого здания в качестве помещений ее дипломатического представительства.

3. *Не было ли возражение Франции произвольным и дискриминационным* (пп. 93–117)

Далее Суд переходит к вопросу о том, не носило ли возражение Франции против назначения Экваториальной Гвинеей здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, в качестве помещений ее дипломатического представительства произвольного и дискриминационного характера.

Суд считает, что на момент получения уведомления Экваториальной Гвинеей от 4 октября 2011 года Франция располагала достаточной информацией, дающей ей разумные основания для вынесения своего заключения относительно статуса здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже. Помимо того, что Франция могла сделать вывод о том, что на момент получения уведомления от Экваториальной Гвинеей это здание не использовалось и не готовилось к использованию в дипломатических целях, по состоянию на 4 октября 2011 года у нее было очевидное дополнительное основание для возражения против назначения этого здания в качестве помещения дипломатического представительства. Всего за несколько дней до этого, в рамках уголовного процесса, который еще продолжался, в здании был проведен обыск. В этой связи Франция разумно предположила, что до прекращения уголовного процесса в здании могут потребоваться дополнительные обыски или введение других принудительных мер. Если бы Франция признала назначение Экваториальной Гвинеей этого здания в качестве помещения ее дипломатического представительства, тем самым взяв на себя обязательства по обеспечению неприкосновенности и иммунитета данного здания в соответствии с Конвенцией, это могло бы помешать надлежащему функционированию ее системы уголовного правосудия. В этой связи Суд отмечает, что Экваториальной Гвинее было известно о ведущемся уголовном разбирательстве. Соответственно, 4 октября 2011 года Экваториальная Гвинея знала или не могла не знать о том, что в здании, в рамках текущего уголовного разбирательства, был проведен обыск. Суд отмечает, что это основание, используемое Францией при выражении своего возражения 11 октября 2011 года, оставалось актуальным еще долгое время после этой даты. Независимо от того, готовилось ли здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, к использованию или использовалось для целей дипломатического представительства Экваториальной Гвинеей в период после 27 июля 2012 года, оно все еще было объектом уголовного преследования, которое продолжается до сих пор. Когда Франция повторила свое возражение в своей вербальной ноте от 6 августа 2012 года, она прямо сослалась на арест, наложенный на здание в ходе текущего уголовного разбирательства.

В данных обстоятельствах Суд приходит к выводу, согласно которому для возражения Франции против назначения Экваториальной Гвинеей здания в качестве помещения дипломатического представительства Экваториальной Гвинеей существовали разумные основания. Эти основания были известны или должны были быть известны Экваториальной Гвинее. В свете этих оснований Суд не считает, что возражение Франции носило произвольный характер. Кроме того, Суд считает, что Франция не обязана была согласовывать свои действия с Экваториальной Гвинеей, прежде чем сообщить 11 октября 2011 года о своем решении не признавать статус здания как помещения представительства. Действительно, в Венской конвенции не предусмотрено никаких обязательств координировать свои действия с направляющим государством, прежде чем принимающее государство сможет возразить против назначения какого-либо здания как помещения дипломатического представительства.

Суд переходит к вопросу о том, была ли позиция Франции в отношении статуса здания непоследовательной. Он отмечает, что во всей дипломатической переписке, на которую ссылалась Экваториальная Гвинея, Франция последовательно утверждала, что приобретение статуса помещений представительства возможно только при удовлетворении двух условий: отсутствия возражений со стороны принимающего государства и фактического назначения помещений для использования в дипломатических целях.

Суд отмечает, что после направления Францией вербальной ноты от 6 августа 2012 года она в течение длительного времени последовательно и недвусмысленно возражала против назначения упомянутого здания в качестве помещения дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. В частности, он ссылается на вербальную ноту от 2 марта 2017 года, в которой Франция заявила, что «в соответствии со своей последовательной позицией Франция не считает здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже (16-й округ), частью помещений дипломатического представительства Республики Экваториальная Гвинея во Франции».

Приведенные Экваториальной Гвинеей примеры, например, получение виз по адресу «авеню Фош, 42» в Париже или предоставление защиты по случаю событий, таких как демонстрации или президентские выборы, которые могут предсказуемо причинить вред лицам или имуществу на территории государства, не свидетельствуют о том, что Франция автоматически признала это здание «помещениями представительства» в соответствии с Конвенцией.

Кроме того, имеющиеся доказательства не свидетельствуют о том, что Франция отказывалась высказывать возражения против назначения какого-либо здания другим направляющим государством в качестве помещения соответствующего дипломатического представительства в обстоятельствах, сравнимых с обстоятельствами в настоящем деле. В данных обстоятельствах Экваториальная Гвинея не смогла продемонстрировать, что Франция, возражая против назначения здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, в качестве помещения дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи, действовала дискриминационным образом.

Наконец, Суд отмечает, что поведение Франции не лишило Экваториальную Гвинею ее дипломатических помещений во Франции: Экваториальная Гвинея уже имела дипломатические помещения в Париже (по адресу «бульвар де Курсель, 29»), которые Франция по-прежнему официально признает в качестве помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. В связи с этим возражение Франции против переезда посольства на авеню Фош, 42 в Париже не помешало Экваториальной Гвинее сохранить дипломатическое представительство во Франции, а также сохранить дипломатические помещения, которые у нее уже были в других местах в Париже. Это является еще одним фактором, свидетельствующим о неприменимости обвинения в произволе или дискриминации.

С учетом всех вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что Франция своевременно возразила против того, чтобы Экваториальная Гвинея назначила вышеупомянутое здание помещением своего дипломатического представительства, и что это возражение не было ни произвольным, ни дискриминационным по своему характеру.

По всем этим причинам Суд приходит к выводу, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, никогда не приобретало статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Конвенции.

IV. Рассмотрение заключительных материалов Экваториальной Гвинеи
(пп. 119–125)

Поскольку Суд пришел к выводу, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, никогда не наделялось статусом «помещений представительства» в соответствии с Венской конвенцией, действия, на которые жаловалась Экваториальная Гвинея, не могут представлять собой нарушение Францией своих обязательств по этой Конвенции. Следовательно, Суд не может поддержать просьбу Экваториальной Гвинеи о том, чтобы Суд обязал Францию возместить ущерб, причиненный Экваториальной Гвинее.

Суд напоминает, что любое возражение принимающего государства против назначения имущества как части помещений иностранного дипломатического представительства препятствует приобретению этим имуществом статуса «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции, при условии, что это возражение доведено до сведения своевременно и не носит произвольного или дискриминационного характера. Суд установил, что возражение Франции в данном деле соответствует этим условиям. В свете вышеизложенных выводов Суд не может поддержать просьбу Экваториальной Гвинеи о том, чтобы он обязал Францию признать статус указанного здания как помещения дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи.

V. Постановляющая часть (п. 126)

Суд

1) девятью голосами против семи

устанавливает, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, никогда не приобретало статуса «помещений представительства» по смыслу пункта i) статьи 1 Венской конвенции о дипломатических сношениях;

ЗА: судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава;

ПРОТИВ: Председатель Юсуф; Вице-председатель Сюэ; судьи Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон; судья ad hoc Катэка;

2) двенадцатью голосами против четырех

объявляет, что Французская Республика не нарушила своих обязательств по Венской конвенции о дипломатических сношениях;

ЗА: Председатель Юсуф; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава;

ПРОТИВ: Вице-Председатель Сюэ; судьи Бхандари, Робинсон; судья ad hoc Катэка;

3) двенадцатью голосами против четырех

отклоняет все прочие позиции, заявленные Республикой Экваториальная Гвинея;

ЗА: Председатель Юсуф; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава;

ПРОТИВ: Вице-Председатель Сюэ; судьи Бхандари, Робинсон; судья *ad hoc* Катэка.

*

Председатель Юсуф приложил к решению Суда особое мнение; Вице-Председатель Сюэ приложила к решению Суда несовпадающее особое мнение; судья Гая приложил к решению Суда заявление; судья Себутинде приложила к решению Суда особое мнение; судьи Бхандари и Робинсон приложили к решению Суда несовпадающие особые мнения; судья *ad-hoc* Катэка приложил к решению Суда несовпадающее особое мнение.

*

* *

Особое мнение Председателя Юсуфа

Согласившись со вторым и третьем пунктами постановляющей части решения, Председатель Юсуф проголосовал против первого пункта постановляющей части, в котором говорится, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, никогда не приобретало статуса «помещений представительства» ... по смыслу пункта i) статьи 1 Венской конвенции о дипломатических сношениях (далее «Венская конвенция»). По его мнению, такой вывод ошибочен. Он не основан на надлежащем толковании и применении статьи 1 i) или любого другого положения Венской конвенции. Он даже не вытекает из правовой аргументации решения. Положения Венской конвенции описываются в решении как «малополезные» в деле оценки обстоятельств, при которых собственность приобретает статус «помещений представительства», а статья 1 i) считается «бесполезной» в деле определения того, каким образом какое-либо здание может использоваться для целей дипломатического представительства. В этой связи Председатель поднимает вопрос: если статья 1 i) не помогает в формировании такого определения, то как она может служить основанием для вывода в постановляющей части о том, что здание никогда не приобретало статуса «помещений представительства»?

По его словам, в решении не дается никакого осмысленного толкования содержащихся в статье 1 i) понятий «здания,.. используемые для целей представительства» и не предпринимается ни малейшей попытки применить такое толкование к конкретным обстоятельствам данного дела. По мнению Председателя Юсуфа, Суду следовало бы истолковать, в соответствии с общими правилами толкования договоров, положение об определении в статье 1 i) в ее контексте и в свете ее предмета и цели, чтобы определить, как минимум, было ли здание,

расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, «использовано для целей представительства». Такой подход находит подтверждение в сложившейся практике национальных и международных судов и трибуналов, которые рассматривали вопрос о статусе дипломатических помещений в прошлом. Вместо этого в решении внимание обращается на доселе неизвестное требование «предварительного одобрения» или «права возражать» принимающего государства, которое не имеет никаких оснований в тексте Конвенции. Эти новоприведенные условия не увязываются ни с последующей практикой сторон Венской конвенции, ни с обычным правом, ни с каким-либо другим источником международного права. Они также могут породить в будущем ненужные недоразумения и сложности в применении к дипломатическим помещениям многовекового закона о дипломатических сношениях. Кроме того, критерии, выдвинутые Судом для осуществления такого «права возражать», являются туманными и не содержат оговорок.

По мнению Председателя Юсуфа, надлежащая оценка фактов должна была привести к выводу, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, приобрело статус «помещений представительства» с 27 июля 2012 года, после того как французские должностные лица не раз входили в эти помещения и проводили в них обыски. Поэтому эти меры не могут быть равнозначны нарушению пункта 1 статьи 22 Конвенции. Последующие меры по наложению ареста и конфискации также не могут быть нарушением пункта 3 статьи 22 Конвенции, поскольку они затрагивают только право собственности на здание, которое, согласно статье 1 i), не имеет отношения к статусу «помещений представительства».

Несовпадающее особое мнение Вице-Председателя Сюз

1. Вице-Председатель Сюз не согласна с решением, вынесенным Судом, прежде всего на основании своей позиции по вопросу о юрисдикции. По ее мнению, статус здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, является лишь одной, причем неотъемлемой, частью спора между Экваториальной Гвинеей и Францией в отношении иммунитетов высокопоставленного должностного лица Экваториальной Гвинеи и ее государственной собственности от юрисдикции французских судов. Она сожалеет о том, что, сузив в данном деле свою юрисдикционную базу, Суд обошел стороной некоторые важнейшие аспекты спора между сторонами. Она считает, что вопрос о том, стало ли здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, государственной собственностью Экваториальной Гвинеи в результате передачи права собственности, не является в данном деле чисто юридическим в соответствии с французским законодательством; в конечном счете речь идет о правах и обязанностях, закрепленных за государствами в международном праве, при рассмотрении уголовных дел, касающихся иностранного государства и его собственности.

2. В этой связи Вице-Председатель Сюз считает актуальными два вопроса: передача здания между г-ном Теодоро Нгемой Обиангом Манге и Республикой Экваториальная Гвинея и право Экваториальной Гвинеи назначить его помещением своего дипломатического представительства. По первому вопросу она отмечает, что из доказательств, представленных Экваториальной Гвинеей, видно, что передача здания была осуществлена на законных основаниях в соответствии с французским законодательством. Из фактов следует, что последовательный

отказ Франции удовлетворить просьбу Экваториальной Гвинеи о присвоении зданию, расположенному по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, статуса «помещений представительства» имеет мало общего с обстоятельствами и условиями, при которых собственность может приобрести дипломатический статус, но связан с разногласиями между сторонами по поводу продолжающегося уголовного расследования в отношении г-на Теодоро Нгеми Обианга Манге.

3. В отношении второго вопроса она отмечает, что публичные действия французских властей по регистрации факта передачи прав акционера в отношении здания и взиманию налога на прирост капитала послужили достаточным основанием для того, чтобы Экваториальная Гвинея была уверена в том, что приобрела право собственности на здание. Если бы Франция хотела сохранить активы в частной собственности, ей следовало бы прекратить такие действия в самом начале передачи, чтобы у Экваториальной Гвинеи не осталось сомнений относительно статуса здания. Помимо вышеперечисленных публичных действий своих властей, Франция ни разу в ходе разбирательства не заявила, что передача здания от г-на Теодоро Нгеми Обианга Манге Экваториальной Гвинее не была подлинной. По мнению Вице-Председателя, спор между сторонами о статусе здания связан с правом собственности на него. Во-первых, причина отказа Франции удовлетворить просьбу Экваториальной Гвинеи напрямую связана с правом собственности на это здание, поскольку она прямо указала на то, что здание «относится к частной собственности». Во-вторых, вопрос о праве собственности влечет за собой последствия для поведения Франции в отношении данного здания. Хотя право собственности не имеет значения для статуса помещений дипломатического представительства, если оно принадлежит направляющему государству, то помещения будут пользоваться защитой в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях (далее «Венская конвенция» или «Конвенция»), а также с обычными нормами о юрисдикционных иммунитетах государства и его собственности. В настоящем деле такие нормы могут быть использованы при рассмотрении вопроса о законности принудительных мер, введенных в отношении вышеупомянутого здания французскими судами, если вопрос о праве собственности на здание будет рассмотрен надлежащим образом.

4. Что касается толкования Венской конвенции, то Вице-Председатель Сюз согласна с большинством в том, что в положениях Конвенции не устанавливается, в какой момент времени и при каких условиях собственность приобретает статус «помещений представительства», как это определено в статье 1 i) Конвенции, и начинает пользоваться привилегиями и иммунитетами, предусмотренными в ней. В свете предмета и цели Конвенции направляющее государство не может в одностороннем порядке навязывать принимающему государству свой выбор помещений. Вместе с тем Вице-Председатель не согласна с аргументацией Суда, в которой подразумевается, что принимающее государство, последовательно возражая против назначения направляющего государства, будет в одностороннем порядке диктовать исход дела.

5. Она подчеркивает, что фундаментальный принцип международного права, изложенный в преамбуле Конвенции, т.е. принцип суверенного равенства, является правовой основой права международной дипломатии. Дипломатические привилегии и иммунитеты, какими бы «значительными» или «весомыми» они ни были, предоставляются на взаимной основе и приносят взаимную пользу. Учреждение постоянных дипломатических представительств, если это призвано

служить целям поддержания мира и безопасности и укрепления дружественных отношений между государствами, должно основываться на взаимном уважении суверенитета и равном отношении к государствам. Хотя назначение помещений дипломатических представительств в значительной степени остается на усмотрение государств с учетом конкретных обстоятельств каждой страны, в силу принципа суверенного равенства единственным способом, который может привести к взаимоприемлемому решению, являются налаживание сотрудничества и проведение консультаций.

6. Вице-Председатель Сюз отмечает, что в данном случае Франция не представила убедительных доказательств того, что в ее практике для приобретения каким-либо зданием дипломатического статуса постоянно требуется предварительное согласие. Более того, неоднократный отказ Франции одобрить назначение Экваториальной Гвинеи связан скорее с являющимся предметом спора уголовным разбирательством, нежели с самой процедурой назначения.

7. По мнению Вице-Председателя, поскольку статус здания, о котором идет речь, является предметом спора об иммунитетах государственной собственности между сторонами, общий анализ обстоятельств, при которых собственность приобретает дипломатический статус, не затрагивает реального вопроса данного дела. Ключевым вопросом в данном контексте является не то, обладает ли Франция как принимающее государство суверенным правом возражать против выбора Экваториальной Гвинеи своих дипломатических помещений, а то, не осуществила ли она неправомерно свою юрисдикцию, введя принудительные меры в отношении государственной собственности Экваториальной Гвинеи.

8. Вице-Председатель Сюз отмечает, что Суд признает только три критерия, которые принимающее государство должно удовлетворять при выражении своего возражения против назначения направляющим государством своих дипломатических помещений, а именно: своевременный, произвольный и недискриминационный характер такого возражения. Что касается первого критерия, касающегося своевременности возражения, то Вице-Председатель не сомневается, что всякий раз, когда Экваториальная Гвинея уведомляла Протокольный департамент Министерства иностранных дел Франции о назначении или использовании здания в качестве помещения своего дипломатического представительства, последняя без промедления направляла свое возражение.

9. Вместе с тем Вице-Председатель отмечает, что при оценке того, было ли возражение Франции произвольным, рассуждения Суда основываются на ложном предположении о том, что уголовное разбирательство, проводимое в отношении г-на Теодоро Нгеми Обианга Манге, как и принудительные меры, введенные в отношении вышеупомянутого здания, не являлись предметом спора между сторонами. По ее мнению, такая линия рассуждений отличается крайне односторонним характером. Это свидетельствует о том, что вопрос возражения Франции против назначения Экваториальной Гвинеи конкретного здания в качестве помещения своего дипломатического представительства невозможно рассматривать в отрыве от вопроса об иммунитетах государственной собственности в ходе уголовного разбирательства. В то время, когда Экваториальная Гвинея впервые обратилась с просьбой выделить здание для своего дипломатического представительства, причиной возражения Франции было именно желание сохранить действие введенных в отношении этого здания принудительных мер для целей

уголовного разбирательства. Вице-Председатель также считает, что утверждение Суда о том, что Франция не была обязана в соответствии с Конвенцией консультироваться с Экваториальной Гвинеей, когда решила отказать последней в назначении здания в качестве ее дипломатических помещений, противоречит предмету и цели Конвенции.

10. Вице-Председатель Сюз считает, что при оценке того, носило ли поведение Франции дискриминационный характер, не нужно опираться на какой-либо сопоставимый случай в практике Франции, а нужно просто поинтересоваться, обращалась ли бы Франция таким образом при тех же обстоятельствах с любым другим государством и согласилось ли бы любое другое государство на такое обращение. В этой связи Вице-Председатель отмечает, что в течение почти четырех лет, т.е. с 27 июля 2012 года, когда Экваториальная Гвинея фактически перевела свое представительство в это здание, до возбуждения дела против Франции в этом суде 13 июня 2016 года, посольство Экваториальной Гвинеи использовало это здание для выполнения официальных функций своего дипломатического представительства, но без надлежащего статуса и защиты. Между тем, в отношении данного здания были введены такие принудительные меры, как арест и конфискация имущества. По мнению Вице-Председателя, в дипломатических отношениях подобную ситуацию нельзя считать нормальной, и происшедшее не напоминает отношения между двумя равными суверенами. Эти факты сами по себе свидетельствуют о том, что чрезмерный акцент на праве принимающего государства возражать приведет к нарушению хрупкого равновесия, установленного Венской конвенцией между направляющим и принимающим государством.

Заявление судьи Гая

Судья Гая считает, что, несмотря на возражения Франции, здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, приобрело статус помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. Для этого, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях, согласие принимающего государства, будь то определенно выраженное или подразумеваемое, не требуется. В определении помещений представительства, приведенном в статье 1 i) Конвенции, ссылки на такое согласие нет. В соответствии со статьей 12 «предварительно определенно выраженное согласие» принимающего государства требуется в том случае, если здание расположено за пределами столицы государства. Это придает вес толкованию, в соответствии с которым в гораздо более распространенных случаях, когда здания расположены в столице, такое согласие не требуется.

Хотя направляющее государство должно соблюдать законы и правила принимающего государства, в данном деле не поднимался вопрос о градостроительстве или зонировании по соображениям безопасности. Франция не входит в число государств, которые принимают законодательство или направляют дипломатическим представительствам циркулярные ноты, в которых утверждалось бы право принимающего государства отказать в своем согласии на будущий выбор направляющим государством здания в качестве помещения своего дипломатического представительства.

Таким образом, после того, как здание стало использоваться в целях дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи, Франция должна была соблюдать обязательства по статье 22 Конвенции. Тем не менее Экваториальная Гвинея не смогла обосновать утверждения о том, что эти обязательства были Францией нарушены.

Особое мнение судьи Себутинде

Судья Себутинде проголосовала против пункта 126 1) решения. По ее мнению, здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, приобрело статус «помещений представительства» Экваториальной Гвинеи по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции о дипломатических сношениях (далее «Венская конвенция») 27 июля 2012 года, когда Экваториальная Гвинея фактически перевела свое представительство в это здание. Начиная с этой даты, Франция была обязана предоставить представительству Экваториальной Гвинеи в являющемся предметом спора зданию защиту, гарантированную в соответствии со статьей 22 Венской конвенции.

Согласно Конвенции, право собственности на здание — вопрос, не затрагивающий сути при определении того, может ли оно быть частью помещений представительства. Судья Себутинде считает, что отказ Франции признать являющееся предметом спора здание в качестве помещений представительства Экваториальной Гвинеи после 27 июля 2012 года был основан на факторах, связанных с владением или передачей права собственности на являющееся предметом спора здание, а не с его использованием заявителем в целях, отличных от целей представительства. Доказательства, касающиеся предварительного условия получения согласия принимающего государства, прежде чем здание может быть признано помещениями какого-либо представительства, указывают на практику Франции не высказывать возражения, в соответствии с которой принимающее государство не будет необоснованно возражать ни на каких иных основаниях, кроме как на том, что здание не используется для целей представительства, предусмотренных в статье 3 Венской конвенции.

Поскольку здание получило статус «помещений представительства» только 27 июля 2012 года, судья Себутинде считает, что действия французских властей в отношении этого здания до этой даты, включая обыски, изъятия и постановление о наложении ареста (*saisie pénale immobilière*), не могут рассматриваться как нарушение статьи 22 Венской конвенции. Приказ о конфискации являющегося предметом спора здания, изданный 27 октября 2017 года и подтвержденный 10 февраля 2020 года, не нарушает статью 22 Венской конвенции, поскольку он касается передачи права собственности на здание и не обязательно подразумевает его использование в качестве помещений представительства Экваториальной Гвинеи. В связи с этим судья Себутинде проголосовала вместе с большинством за пункт 126 2) решения.

В заключение стоит отметить, что в решении почти не затронут вопрос предполагаемого злоупотребления Экваториальной Гвинеей правами в данном деле, а в пункте 66 просто упоминается тот факт, что дипломатические привилегии и иммунитеты, предусмотренные Венской конвенцией, предоставляются не для выгод отдельных лиц, но не объясняется то, как это утверждение относится к требованиям или поведению Экваториальной Гвинеи. Судья Себутинде

придерживается мнения, согласно которому в отсутствие исключительных и веских обстоятельств, указывающих на злоупотребление правами со стороны Экваториальной Гвинеи, Суд должен был прямо указать на это в своем решении.

Несовпадающее особое мнение судьи Бхандари

1. В своем несовпадающем особом мнении судья Бхандари утверждает, что он не может согласиться с выводом, сделанным большинством в пункте 126 решения. Его сомнения основаны на недостаточности критерия того, что возражение принимающего государства, которое является своевременным и не является ни произвольным, ни дискриминационным, может препятствовать приобретению определенным объектом собственности статуса помещений представительства. Такой критерий неизбежно влечет за собой вывод, согласно которому без согласия принимающего государства собственность никогда не может приобретать дипломатический статус. Примечательно, что ни в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года (далее «Венская конвенция»), ни в обычном праве такое требование не предусматривается. Судья Бхандари занимает такую позицию на основании следующих четырех аспектов, заслуживающих рассмотрения.

2. Во-первых, он рассматривает концепцию взаимного согласия и взаимных привилегий в дипломатических сношениях и привилегиях, о чем свидетельствуют ранняя практика и документы, изданные до кодификации Венской конвенции. Затем судья рассматривает «Работу Комиссии международного права» (далее «КМП») в 1957 году по кодификации темы дипломатических сношений и иммунитетов, а также теорию функциональной необходимости в работе КМП в качестве основы выполнения дипломатических функций. В этом контексте он также отмечает работу Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитету, проведенной в 1961 году. Преамбула Венской конвенции была основана на предложении, достоинство которого заключалось в указании на то, что целью дипломатических привилегий и иммунитетов является «обеспечение эффективного осуществления функций дипломатических представительств», в связи с чем функциональная необходимость заняла первое место среди целей режима привилегий и иммунитетов, гарантируемых Венской конвенцией. По словам судьи, такой исторический контекст только подкрепляет мнение о том, что ни в одной из ранее установленных норм обычного международного права не требовалось и, по-видимому, не допускалось возражения против назначения помещений представительства принимающим государством. В своем анализе судья будет руководствоваться целью обеспечения эффективного выполнения функций дипломатических представительств.

3. Во-вторых, он рассматривает предмет и цель Венской конвенции. В данном контексте он уделяет особое внимание принципам суверенного равенства государств, содействию развитию дружественных отношений между государствами и поддержанию международного мира и безопасности. В принципе суверенного равенства подчеркивается право всех государств на равенство в правовом поле, что исключает понятие правового превосходства одного государства над другим. Далее судья рассматривает обязательство развивать дружественные отношения, что подкрепляется принятием резолюции 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи, в которой и так отражается обычное международное право. Далее судья заявляет, что при толковании предмета и цели Венской конвенции он обязан

уделять особое внимание предотвращению конфликтов и мирному разрешению споров. Он подчеркивает, что применение критерия, упомянутого в пункте 74 решения, нарушит хрупкий баланс интересов, установленный предметом и целью, и может сформировать представление о правовом превосходстве одного государства над другим путем передачи дискреционных полномочий в руки правительства одного из них.

4. В-третьих, судья подчеркивает положение о взаимном согласии при установлении дипломатических отношений между государствами в соответствии со статьей 2 Венской конвенции и отмечает, что в Венской конвенции нет ни одного положения, согласно которому от принимающего государства требовалось бы согласие на учреждение помещений представительства. Следовательно, проверка, упомянутая в пункте 74, не будет свидетельствовать о взаимном согласии. Неизбежным следствием разрешения возражения против назначения является то, что согласие принимающего государства начнет играть важную роль в учреждении «помещений представительства», что не увязывается с мнением о том, что право на дипломатическое представительство не может быть осуществлено без согласия обеих сторон.

5. В-четвертых, применяя общие правила толкования договоров, отраженные в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, судья заключает, что в обстоятельствах данного дела и на основании представленных фактов для определения того, «как и когда» определенная собственность приобретает дипломатический статус по смыслу Венской конвенции, может быть полезна статья 1 i), толкуемая вместе со статьей 22 Венской конвенции. Судья опирается на особенности формулировок, которые можно найти в положениях, касающихся аккредитации глав представительств в пунктах 1 и 2 статьи 4, пункте 1 статьи 5 и статье 6 Венской конвенции, в которых прямо предусматриваются согласие и возражение со стороны принимающего государства. В связи с этим судья делает вывод, что подходящим стандартом для определения того, как и когда собственность приобретает дипломатический статус, могут быть два совокупных условия — уведомление со стороны направляющего государства с последующим фактическим использованием собственности в заявленных целях. Следовательно, начиная с 27 июля 2012 года здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, приобрело статус помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи.

6. Наконец, судья приходит к выводу, что в возражении принимающего государства против выбора помещения представительства, независимо от того, выражается ли оно с учетом критериев своевременности и произвольности, не отражается баланса интересов, требуемого Венской конвенцией. Возражение также не отражает добросовестность, поскольку возражение против признания существования помещений какого-либо представительства привело бы к проявлению недобросовестности и посягательству на суверенитет члена Венской конвенции. При толковании отношений между равными суверенными государствами представляется ошибочным утверждение о том, что у направляющего государства нет иного выбора, кроме как согласиться с желаниями принимающего государства. Одностороннее возражение принимающего государства, которое имеет эффект мгновенного лишения возможности приобретения дипломатического статуса, может подорвать баланс и нанести ущерб интересам направляющего государства. Из этого следует, что логическим следствием вынесенного большинством

мнения является то, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, никогда не приобретет статус помещений дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи. С учетом соображений, рассмотренных в настоящем мнении, это не могло быть следствием, предусмотренным режимом иммунитетов и привилегий, в отношении учреждения «помещений представительства» и содействия дружественным отношениям между всеми государствами в соответствии с Венской конвенцией.

Несовпадающее особое мнение судьи Робинсона

В своем особом мнении судья Робинсон выразил несогласие со всеми выводами, содержащимися в пункте 126 постановляющей части решения. По его мнению, представленные Суду доказательства свидетельствуют о том, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», приобрело статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции о дипломатических сношениях (далее «Венская конвенция»). Следовательно, судья утверждает, что действия Франции по проникновению, обыску, наложению ареста и распоряжению о конфискации имущества этого здания нарушили его неприкосновенность как «помещений представительства» в соответствии со статьей 22 Венской конвенции.

Судья Робинсон рассматривает принятое большинством толкование Венской конвенции как позволяющее принимающему государству в одностороннем порядке возражать против назначения Экваториальной Гвинеей здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42», в качестве «помещений представительства» и отрицать сам факт такого назначения. Он также описывает, как, по его мнению, следует толковать Конвенцию и предполагаемые нарушения Конвенции, а также средства правовой защиты от этих нарушений.

По мнению судьи Робинсона, решающий вопрос в данном деле заключается в том, приобрело ли здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции. Он утверждает, что большинство рассуждает следующим образом: i) Венская конвенция дает право принимающему государству возражать против назначения направляющим государством здания в качестве «помещений миссии»; ii) поскольку в данном случае имеются доказательства того, что Франция неоднократно возражала против такого назначения Экваториальной Гвинеи, здание не приобрело статус «помещений представительства». Вместе с тем судья не согласен с таким рассуждением, поскольку из этого не следует, что даже при наличии недвусмысленных доказательств дипломатической деятельности на авеню Фош, 42, что свидетельствует об использовании этого здания для целей представительства, оно не может приобрести статус помещений представительства, если Франция как принимающее государство возражает против назначения Экваториальной Гвинеей этого здания в качестве ее дипломатического представительства. По мнению судьи, такое предположение противоречит обычному значению понятия «используемые для целей представительства». Он утверждает, что здание, которое «используется для целей представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции, не должно лишаться статуса «помещений представительства», а значит, и неприкосновенности из-за возражения принимающего государства. По его мнению, такое толкование Конвенции равносильно ее неправильному

пониманию. Судья утверждает, что определение «помещения представительства» не подпадает под действие оговорки «об отсутствии возражений», то есть в определении нет ничего, что ставило бы его применение в зависимость от отсутствия возражений со стороны принимающего государства.

Он утверждает, что Франция права в том, что она называет «по существу консенсусной буквой и духом Венской конвенции», и что между направляющим и принимающим государствами требуется наличие «уз доверия». По его словам, это представляет собой крайне важные элементы, необходимые для правильного толкования и применения Конвенции, поскольку принципы взаимности и равновесия лежат в самой основе Конвенции. Вместе с тем, по мнению судьи, объединение большинством требования о согласии принимающего государства на назначение направляющим государством здания в качестве помещений представительства с правом принимающего государства возражать против такого назначения лишает содержащийся в пункте 67 решения вывод какой-либо юридической силы. Судья считает, что такой вывод противоречит здравому смыслу и, следовательно, не имеет силы, поскольку в аргументации большинства не обнаруживается никакой разницы между двумя различными концепциями, связанными с требованием о выражении принимающим государством согласия на назначение помещений представительства, с одной стороны, и полномочиями принимающего государства возражать против такого назначения, с другой. По его словам, хотя вывод сформулирован с точки зрения полномочий принимающего государства возражать против назначения направляющим государством здания в качестве помещений представительства, дело Франции связано с концепцией выражения согласия и отдельной концепцией высказывания возражения, а дело заявителя построено на ответе на аргумент о том, что для такого назначения требуется согласие Франции как принимающего государства. Судья отмечает, что также, в частности, в самом решении вместо практики, свидетельствующей о полномочиях принимающего государства возражать против подобного назначения, приводится практика государств, согласно которой для такого назначения требуется согласие принимающего государства. По его мнению, в этом объединении различных аргументов вывод большинства не имеет никакой юридической силы.

По мнению судьи Робинсона, хотя в его несовпадающем особом мнении высказывается позиция, согласно которой большинство не установило, что принимающее государство уполномочено в соответствии с Венской конвенцией возражать против того, чтобы направляющее государство назначало здание в качестве помещений представительства, и что, следовательно, нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли дискреционное право использовано обоснованно, это дело представляет собой один из примеров необоснованного использования такого права. Хотя на определенных этапах Франция ссылается на свои полномочия возражать против того, чтобы Экваториальная Гвинея назначала определенное здание в качестве помещений представительства, на других этапах она утверждает, что такое назначение возможно только при ее согласии. Такая непоследовательность равносильна необоснованному и произвольному применению Францией своих дискреционных полномочий, что лишает само возражение какой-либо юридической силы. Таким образом, возражения Франции, на которые большинство опирается в своем заключении в пункте 67, не имели силы, и, следовательно, само заключение лишено всякой юридической силы.

Судья также утверждает, что есть веские основания утверждать, что Франция признала дипломатический статус здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42», когда французские чиновники, включая государственного секретаря, отвечающего за развитие и франкофонию, заходили в здание на авеню Фош, 42, чтобы получить визы для посещения Экваториальной Гвинеи. Такое поведение квалифицируется как молчаливое признание. Хотя в статье 5 Венской конвенции о консульских сношениях выдача виз относится к консульским функциям, в статье 3 2) Венской конвенции предусматривается, что «ни одно из положений настоящей Конвенции не должно истолковываться как препятствующее выполнению дипломатическим представительством консульских функций». Таким образом, несмотря на то что неисчерпывающий перечень функций дипломатического представительства, изложенный в статье 3 1) Венской конвенции, не включает выдачу виз, Конвенция позволяет дипломатическому представительству выдавать визы. Судья Робинсон считает, что подход большинства к этому вопросу заключается в дальнейшем использовании утверждений, поскольку в пункте 114 решения просто говорится: «Суд не считает, что получение виз по адресу «авеню Фош, 42» в Париже подкрепляет вывод, согласно которому эти помещения были признаны как помещения дипломатического представительства». Вместе с тем, по мнению судьи Робинсона, в обстоятельствах данного дела этот вывод ошибочен, поскольку на фоне возражений Франции против назначения Экваториальной Гвинеей вышеупомянутого здания в качестве помещений представительства поведение Франции свидетельствует о ее молчаливом признании такого назначения.

Судья Робинсон также утверждает, что большинство в значительной мере полагалось на текст преамбулы, который был взят за основу при формулировании весьма предсказуемого вывода в пункте 67 решения. Тем не менее, по его мнению, преамбула не подкрепляет сделанный вывод, причем судья добавляет, что то, что основной вывод в решении Суда в значительной степени основан на толковании Судом преамбулы договора, действительно является необычным. Кроме того, по его мнению, имеет значение и то, что, согласно практике государств, здание приобретает статус помещений представительства, когда его предполагаемое использование для целей представительства сопровождается фактическим использованием в этих целях. По словам судьи, с учетом такой практики, здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», приобрело статус помещений представительства 4 октября 2011 года, так как его предполагаемое использование для целей представительства с этой даты сменилось фактическим использованием в тех же целях не позднее 27 июля 2012 года.

Судья Робинсон утверждает, что с учетом баланса между интересами направляющего и принимающего государств, который стремится установить Венская конвенция, а также с учетом закрепленной в ней цели содействия дружественным отношениям между государствами на основе уважения принципа суверенного равенства государств, как и цели поддержания международного мира и безопасности, при определении того, приобрело ли здание статус «помещений представительства», Венскую конвенцию не следует толковать как наделяющую и направляющее, и принимающее государство правом навязывать свою волю другому государству.

По мнению судьи Робинсона, в Венской конвенции устанавливается объективный критерий для определения статуса здания как «помещений представительства». Этот критерий заключается в том, что здание должно «использоваться для целей представительства», что является прагматичным критерием, который не включает в качестве одного из своих элементов право принимающего государства возражать против назначения направляющим государством какого-либо здания в качестве помещений представительства. Судья утверждает, что определение того, был ли соблюден данный критерий, не должно зависеть от субъективных взглядов как направляющего, так и принимающего государства на то, является ли здание помещениями представительства или нет. По мнению судьи, в свете этого объективного критерия, неудивительно, что в Венской конвенции ничего не говорится о роли направляющих и принимающих государств в назначении помещений представительства.

Судья Робинсон задается следующим вопросом: «Как же тогда разрешить спор, если между сторонами существуют разногласия, как в данном случае, по такому важному вопросу?» Он отвечает, что с учетом взаимосвязи Венской конвенции с тремя основополагающими целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, которые изложены в его преамбуле, в случае разногласий они должны урегулироваться путем консультаций между сторонами, проводимых в духе доброй воли, а если таким образом урегулирования достичь не удастся, то путем урегулирования третьей стороной. Судья отмечает, что в данном случае Экваториальная Гвинея обратилась за судебным урегулированием на основании арбитражной оговорки в Факультативном протоколе к Конвенции, касающемся обязательного разрешения споров. По мнению судьи, Суд должен разрешить спор на основе объективного критерия, изложенного в статье 1 i) Венской конвенции, и он должен вынести свое решение на основе этого объективного критерия, но с учетом трех фундаментальных принципов и целей, закрепленных в преамбуле. Судья утверждает, что в обстоятельствах данного дела у Суда было достаточно доказательств, чтобы сделать вывод о том, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», в соответствующее время использовалось для целей представительства Экваториальной Гвинеи. Следовательно, он не может согласиться с выводом большинства, согласно которому здание по адресу «авеню Фош, 42» никогда не приобретало статуса «помещений представительства».

Наконец, судья заключает, что доказательства, представленные Суду, свидетельствуют о том, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», приобрело статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции 4 октября 2011 года и что, следовательно, действия Франции по проникновению, обыску, наложению ареста и распоряжению о конфискации здания нарушили его неприкосновенность как «помещений представительства» в соответствии со статьей 22 Венской конвенции.

В заключение судья Робинсон подчеркивает, что его мнение отражает его взгляды по существу данного дела, возбужденного Экваториальной Гвинеей против Франции, и ни в коей мере не должно рассматриваться как отражение его взглядов по существу дела, возбужденного французскими властями во французских судах против г-на Теодоро Нгемы Обианга Манге.

Несовпадающее особое мнение судьи ad hoc Катеки

В своем особом мнении судья ad hoc Катека указывает на свое несогласие с выводом Суда о том, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», никогда не приобретало статуса «помещений представительства» Республики Экваториальная Гвинея во Французской Республике по смыслу пункта i) статьи 1 Венской конвенции о дипломатических сношениях (далее «Венская конвенция»). Он также не согласен с заявлением Суда о том, что Франция не нарушила своих обязательств по Венской конвенции. Следовательно, он проголосовал против пункта 126 постановляющей части решения, в том числе подпункта, в котором большинство отклоняет все другие представления Республики Экваториальная Гвинея. Судья ad hoc Катека считает, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», приобрело статус дипломатического представительства Экваториальной Гвинеи и что Франция, приняв в отношении этого здания ряд принудительных мер, нарушила свои обязательства по Венской конвенции.

Судья ad hoc Катека не согласен с доводами большинства ни по процедурным соображениям, ни по материально-правовым основаниям. Он не разделяет мнение большинства о том, что в Венской конвенции требуется согласие, о котором в Конвенции ничего не говорится, а также о том, что он называет игнорированием требования «использования», которое упоминается в статье 1 i) Венской конвенции. В этой связи судья утверждает, что Суд под видом толкования предмета и цели Венской конвенции чрезмерно полагается на текст преамбулы. Что касается вопросов по существу, то судья рассматривает обстоятельства, при которых объект недвижимости приобретает статус «помещений представительства» по смыслу статьи 1 i) Венской конвенции. В этой связи он утверждает, что в решении игнорируется условие «использования», которое включено в статью 1 i) Венской конвенции, а предпочтение отдается условию выражения согласия или отсутствия возражения, которое, по его мнению, не имеет оснований в Венской конвенции в отношении приобретения объектом недвижимости статуса «помещений представительства». Судья обсуждает выдвинутые большинством критерии своевременности, произвольности и недискриминационности. По его мнению, вышеупомянутое здание удовлетворяет требованию об использовании, включенному в статью 1 i) Венской конвенции, и приобрело статус помещений представительства Экваториальной Гвинеи 4 октября 2011 года и в любом случае к 27 июля 2012 года. Наконец, судья комментирует судьбу дипломатических помещений Экваториальной Гвинеи после вынесения Судом решения по существу дела.

В частности, во-первых, по мнению судьи ad hoc Катеки, вызывает сожаление тот факт, что большинство уделило так много внимания тексту преамбулы, поскольку, хотя преамбулы и оказывают нормативное влияние на понимание смысла договора, это влияние ограничено. Судья утверждает, что самостоятельное использование преамбул при толковании договора, не подкрепленное конкретными, действующими положениями договора, не создает материальных обязательств для сторон договора. Поэтому он приходит к выводу о том, что, хотя преамбулы и помогают в толковании договора, превышать их значимость, что изменит смысл договора в ущерб замыслу его составителей, не следует. Во-вторых, судья рассматривает требования, предусмотренные Венской конвенцией для того, чтобы объект недвижимости приобрел статус «помещений представительства». Он не согласен с мнением большинства, утверждающего, что для

присвоения зданию статуса дипломатического представительства требуется согласие или отсутствие возражений принимающего государства, по двум основным причинам. Во-первых, в Конвенции об этом требовании ничего не говорится. В соответствии с Конвенцией, предоставление дипломатического статуса не зависит от согласия или отсутствия возражений со стороны принимающего государства. Во-вторых, когда согласие принимающего государства все же требуется, это указано в Конвенции. Требование выражения согласия или отсутствия возражений со стороны принимающего государства содержится в целом ряде положений, таких как статьи 5 1), 6, 7, 8 2), 12, 19 2), 27 1) и 46 Венской конвенции. Кроме того, по мнению судьи *ad hoc* Катеки, большинство избегает упоминания такого условия, как «использование», которое предусмотрено в Конвенции. Это условие «использования» упоминается в пунктах 107, 108 и 109 Решения как «фактическое назначение» помещений. По мнению судьи *ad hoc* Катеки, в контексте обоснования аргумента большинства о выражении согласия или отсутствии возражений и уголовного процесса во Франции против г-на Теодоро Нгеми Обианга Манге такое упоминание носит опосредованный характер. Следовательно, судья сожалеет об избирательном использовании несуществующего критерия выражения согласия или отсутствия возражений, в том числе о его увязке с критерием или стандартом «своевременного, произвольного и недискриминационного характера» возражений. Судья *ad hoc* Катека также не согласен с мнением большинства, согласно которому дипломатические привилегии и иммунитеты налагают на принимающее государство весомые обязательства. По его мнению, в дипломатической практике распространен принцип взаимности. Следовательно, по мнению судьи *ad hoc* Катеки, с учетом того, что каждое государство является как направляющим, так и принимающим государством, утверждение большинства о том, что принимающие государства несут весомые или обременительные обязательства, является ошибочным. По его мнению, преимущества, которыми обладают дипломатические представительства, компенсируются предусмотренными в Венской конвенции санкциями.

Судья *ad hoc* Катека также отмечает неуместность использования большинством аналогии между положением о *persona non grata* в статье 9 Венской конвенции и аргументом об отсутствии эквивалентного механизма для помещений представительства. Он утверждает, что в Конвенции предусмотрен самостоятельный режим, касающийся лиц, помещений и имущества, и все эти элементы должны рассматриваться в совокупности. Такой режим следует толковать как интегрированный. Таким образом, санкции, которые может вводить принимающее государство в отношении лиц, могут также использоваться для разрешения споров, касающихся помещений или имущества. Принимающее государство может разорвать дипломатические отношения с направляющим государством, которое пренебрегает правилами Венской конвенции. Оно также может использовать положение о *persona non grata* для высылки дипломатов государства, которое нарушает режим Венской конвенции.

Что касается условия «использования» помещений, то судья заявляет, что большинство не считает необходимым выносить решение о предполагаемом требовании «фактического назначения» здания для того, чтобы на него распространялась защита, предусмотренная в статье 22. По словам судьи, по мнению большинства, спор между сторонами может быть разрешен путем анализа того, было ли возражение Франции против присвоения зданию, расположенному по адресу «авеню Фош, 42», статуса помещений дипломатического представительства

Экваториальной Гвинеи «своевременно доведено до сведения и не носило ли оно произвольный или дискриминационный характер». Судья не согласен с таким подходом, в котором игнорируется условие «использования», упоминаемое в Венской конвенции, а также с фактом принятия большинством условия выражения согласия или отсутствия возражений, о котором в Конвенции вообще ничего не говорится. Он отмечает, что для обоснования применения условия «выражения согласия», которое не предусмотрено в Венской конвенции, большинство принимает критерий наличия у такого возражения произвольного и недискриминационного характера.

Судья *ad hoc* Катека отмечает, что большинство не дает подробного толкования статьи 1 i) Венской конвенции. Для судьи *ad hoc* Катеки определение, содержащееся в статье 1 i) Венской конвенции, является более детальным, нежели просто описательным. В понятии «используемые» в этом положении указывается на одно из условий для установления помещений представительства. Судья согласен с Экваториальной Гвинеей в том, что под этим понятием подразумеваются помещения, выделенные для дипломатических целей, то есть их предполагаемое использование. С учетом того, что планирование установления помещений представительства и их переоборудование может занять определенное время, он отвергает мнение о том, что «фактическое» или «реальное» назначение происходит только после того, когда дипломатическое представительство полностью переехало в соответствующие помещения. Судья считает, что здание имеет право на иммунитет на основании предполагаемого использования в качестве дипломатических помещений, когда за такого рода использованием следует фактическое использование здания в качестве дипломатических помещений. Он утверждает, что условие использования, которое упоминается в статье 1 i) Венской конвенции, может быть истолковано как предусматривающее предполагаемое использование помещений дипломатическим представительством, под что и подпадают действия Экваториальной Гвинеи в период с 4 октября 2011 года по 27 июля 2012 года.

Что касается статуса здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42» в Париже, то судья *ad hoc* Катека обсуждает обмен мнениями между сторонами в период с 4 октября 2011 года по 27 июля 2012 года. Он считает, что для определения статуса здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42», эти две даты имеют решающее значение. Судья утверждает, что, поскольку Суд вынес решение об отсутствии юрисдикции в отношении здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42», как собственности иностранного государства в соответствии с Палермской конвенцией, требования Экваториальной Гвинеи до 4 октября 2011 года не подпадают под юрисдикцию Суда, а события, произошедшие в период до 4 октября 2011 года, не имеют отношения к данному делу и вообще не должны были упоминаться большинством.

Затем судья рассматривает действия Франции, чтобы определить, носило ли возражение Франции своевременный, произвольный и недискриминационный характер. Он считает, что такой стандарт обосновать непросто. Далее судья отмечает, что вопрос о том, были ли действия Франции своевременными, сам по себе является спорным. Что касается обоснованности, то он приходит к выводу о том, что обстоятельства данного дела указывают на то, что Экваториальная Гвинея стала жертвой несправедливого обращения. Он также отмечает, что, хотя были выдвинуты обвинения в злоупотреблении правами, они никак не были

прокомментированы большинством. Кроме того, судья отмечает, что Франция не может быть освобождена от ответственности в связи с обвинениями в произволе и дискриминации. Например, французские власти приняли налог на прирост капитала в отношении здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42», в то время как у них не было намерения передавать право собственности на здание Экваториальной Гвинеи.

Кроме того, судья считает, что следует согласиться с тем, что датой назначения здания, расположенного по адресу «авеню Фош, 42», как дипломатических помещений Экваториальной Гвинеи является 4 октября 2011 года. Период между этой датой и 27 июля 2012 года был использован для планирования перевода помещений с адреса «бульвар де-Курсель, 29» на адрес «авеню Фош, 42» в Париже. Судья отмечает, что французские власти своими действиями неоднократно признавали здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», дипломатическим представительством Экваториальной Гвинеи. В связи с этим он приводит несколько примеров таких действий. Он утверждает, что в любом случае, даже если дата 4 октября 2011 года окажется спорной, 27 июля 2012 года не может вызывать сомнений как дата начала действия дипломатического статуса представительства Экваториальной Гвинеи, расположенного по адресу «авеню Фош, 42». Франция признает, что отказ в признании за зданием соответствующего статуса и арест активов были произведены до 27 июля 2012 года. Далее она заявляет, что с того момента Экваториальная Гвинея ни разу не сообщала ни о каких инцидентах, которые могли бы повлиять на порядок в здании. По мнению судьи, такое поведение представляет собой пример молчаливого согласия и признания дипломатического статуса помещений. В свете вышеизложенного он приходит к выводу, что здание, расположенное по адресу «авеню Фош, 42», приобрело статус помещений представительства Экваториальной Гвинеи во Франции с 4 октября 2011 года и что Франция нарушает свои обязательства, закрепленные в Венской конвенции.

Наконец, рассматривая судьбу помещений представительства Экваториальной Гвинеи, расположенных по адресу «авеню Фош, 42», судья *ad hoc* Катэка отмечает, что помещения на авеню Фош, 42, были признаны Судом таковыми в соответствии с Постановлением о временных мерах от декабря 2016 года и что срок действия такого признания/защиты закончится с вынесением настоящего решения по существу дела. Для судьи судьба этих помещений станет менее определенной, когда закончится рассмотрение апелляции на решение Апелляционного суда от 10 февраля 2020 года. Следовательно, по его мнению, вызывает сожаление тот факт, что Суд оставил этот вопрос нерешенным.